

Ю. И. КРИВОНОСОВ

С. И. ВАВИЛОВ: ИСТОРИЯ С «ИСТОРИЕЙ ИЗОБРЕТЕНИЯ ФОТОГРАФИИ» *

Как же сделать так, чтобы жить, радоваться и творить нужное людям без этого постоянного ада, интриг, доносов, невежества.

С. И. Вавилов, Дневник, 3 июля 1949 г.

События, о которых пойдет речь, произошли в тот сложный период в истории страны, когда наука, в том числе история науки и техники, оказалась в эпицентре идеологической борьбы, развернутой сталинским руководством, когда «сражения» с космополитизмом, с «преклонением перед иностранщиной» приобрели всеохватывающий характер, поставили под удар многих ученых и целые научные направления, привели к многочисленным гонениям, разгулу доносительства и человеческим трагедиям.

Партийная пропаганда искала малейшие поводы для организации политических кампаний, целью которых было полное искоренение любых попыток инакомыслия, превращение интеллигенции в послушное и управляемое «полуобщество». Мишенью для нападок и обвинений становились и новые книги и давно вышедшие публикации, в свое время одобренные в различных инстанциях, ученые, деятели культуры и даже партийные функционеры, неугодные высшему руководству.

В 1946 г. для развертывания идеологической работы, главным образом среди интеллигенции, решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана новая газета «Культура и жизнь»¹, которая под таким благозвучным названием должна была обеспечить публикацию критических материалов. В тех условиях она стала своеобразным подобием «желтой прессы» на советский манер. Но резонанс от многих публикаций, как правило заказных, оказывался очень широким и часто обеспечивался поддержкой и даже специальными решениями высших партийных органов. Так, например, еще 8 сентября 1948 г. в своем дневнике С. И. Вавилов записывает:

...В Академии «покаянные» заседания по поводу научно-популярной литературы (из-за) статей в «Культуре и жизни»...²

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-03-00058а.

¹ В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1946 г., п. 9 указывалось: «Создать при Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) газету, основной задачей которой должна являться критика недостатков в различных областях идеологической работы, критические разборы газет, журналов, кинофильмов, театральных постановок, литературных произведений и т. д.». Первый номер газеты «Культура и жизнь» вышел уже 4 мая 1946 г., менее чем через месяц после принятия решения. См.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., 2002. С. 33.

² Здесь и далее цитаты С. И. Вавилова даны из его дневников, которые готовятся к публикации.

С. И. Вавилов на отдыхе, 1948 г.

Такой очередной акцией газеты «Культура и жизнь» стала публикация статьи И. Рябова от 31 июля 1949 г. «Лилипут, принятый за Гулливера», посвященной «только что выпущенной» издательством «Академия наук» книге «Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж. Н. Ньепса, Ж. М. Дакера и других лиц»³ и претендовавшей на «научный анализ».

Этой истории и документам, к ней относящимся, была посвящена интересная статья А. С. Сониной⁴. Нас эти архивные материалы будут интересовать в основном для анализа деятельности партаппарата и сотрудников высшего звена Президиума Академии наук СССР, влияния личностного фактора и общей обстановки в стране, приво-

дившей к глубокой деформации морально-этических норм жизни научного сообщества. Появившаяся возможность ввести в научный оборот выдержки из дневников президента АН СССР С. И. Вавилова и некоторые другие документы позволяет восстановить канву происходивших событий и выявить мотивы поступков основных участников, лучше понять обстоятельства, в которых приходилось действовать С. И. Вавилову.

В то время подобные истории проходили по разным сценариям очень часто. Созданные тогда во многих организациях, местных и центральных органах и даже в аппарате ЦК ВКП(б) так называемые «суды чести», спешно созываемые собрания и конференции, а также газеты и журналы постоянно клеймили «космополитов», «преклоненцев перед иностранщиной». Людей заставляли каяться в преступлениях, которых они не совершали, после чего следовали различные по степени последствий оргвыводы.

Общим фоном, как уже отмечалось, был острый накал борьбы с «космополитизмом», когда все связанное с зарубежной наукой и культурой могло быть объявлено антигосударственным и антиобщественным деянием. Для партаппарата и секретарей ЦК такой частный вопрос, как издание научной книги, вероятно, служил отражением начавшегося тогда «Ленинградского дела», а также общей нервной и неопределенной обстановки в высших эшелонах власти. В марте 1949 г. со своих постов был снят секретарь ЦК А. А. Кузнецов, до этого о нем в высших партийных кругах распускались слухи как о возможном преемнике Сталина. А. А. Кузнецов курировал в ЦК науку, поэтому С. И. Вавилову часто приходилось с ним взаимодействовать. Кузнецову на-

³ Здесь и далее фамилии французских изобретателей (включая архивные документы) даны в современном написании.

⁴ Сонин А. С. «История» с историей фотографии // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 11. С. 1032–1035.

Статья «Лилипут, принятый за Гулливера» в газете «Культура и жизнь» и записка
С. И. Вавилова А. В. Топчиеву

правлял свои «тайные» записки-доносы на Вавилова академик-секретарь АН Н. Г. Бруевич⁵. Из состава Политбюро был выведен и снят с поста председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенский, с ним Вавилов также постоянно сотрудничал, часто с большим трудом решая многие вопросы. В глубокой опале находился В. М. Молотов, до этого – второй человек в государстве. Шла перетасовка в аппарате ЦК. 20 июля 1949 г. секретарь ЦК М. А. Суслов был назначен на ключевой идеологический пост – заведующим Отделом пропаганды и агитации – это практически совпало по времени с событиями, о которых идет речь в статье. И хотя снятие Кузнецова рассматривалось как победа группировки Г. М. Маленкова, незадолго до этого возвращенного из опалы и ставшего в связи с болезнью А. А. Жданова вторым после Сталина в партийной иерархии, – никто не мог испытывать уверенности в завтрашнем дне. Все должны были демонстрировать особое рвение в проведении «генеральной линии» партии и согласовывать все свои шаги с высшим руководством.

⁵ См.: Кривоносов Ю. И. С. И. Вавилов – старые нападки и новые документы // Исследования по истории физики и механики. М., 2002. С. 62–81.

Французские «карлики» и академические «космополиты»

К большому сожалению для Академии наук и группы ее сотрудников в такой обстановке вышла из печати книга о французских изобретателях фотографии. В записке на имя секретаря ЦК и своего нового непосредственного начальника М. А. Суслова работники Отдела пропаганды и агитации Л. Слепов и М. Морозов докладывали, что при просмотре сигнального экземпляра они обнаружили «порочный характер» сборника «Документы по истории изобретения фотографии», что они задержали распространение тиража книги, а свои замечания направили в редакцию газеты «Культура и жизнь» для опубликования⁶. Когда авторы записки обнаружили «крамолу» и направили свои «замечания» в газету, из записки неясно. Можно предположить, что, во-первых, не они сами обнаружили «порочный характер» книги, а в ЦК попала «подсказка» снизу от недоброжелателей публикаторов, что тогда было весьма распространенным явлением. Во-вторых, вероятно, они намерялись ограничиться публикацией и разборкой в Академии и не предполагали, что дело примет такой оборот и выйдет на уровень Секретариата ЦК. Однако публикация «Лилипут, принятый за Гулливера», подготовленная по их заданию, уже через один-два дня попала, по нашему мнению, не к Суслову, как предполагает А. С. Сонин⁷, а к Маленкову. Изучение многочисленных документов партийных архивов, сравнение почерков и характера резолюции на тексте газеты, не имеющей подписи и даты, дают основание к такому выводу. Отличавшийся большой педантичностью Суслов, как правило, подписывал свои резолюции и поручения. Этим объясняется и то, что Академия наук направляет свое письмо от 6 августа (о нем будет сказано ниже) на имя Маленкова, где в первой фразе отмечается: «По Вашему указанию...»⁸. Этим можно объяснить и то, что одновременно 4 августа выходит покаянное распоряжение Президиума Академии наук № 1070 с уничижительной оценкой книги о фотографии, и в тот же день, Слепов и Морозов, из-под контроля которых дело выпало, вдогонку направляют справку на имя Суслова, о ней уже упоминалось, и где они отмечают свою роль в раскрытии крамолы и анализируют ошибки издания и «убыток», причиненный государству⁹. Если бы газета не попала к Маленкову и не было его «грозной» резолюции («кто разрешил издать? Отобрать бумагу»), возможно, как уже говорилось, дело ограничилось бы разбирательством на уровне Отдела агитации и пропаганды ЦК и Президиума АН.

По всей вероятности, публикация попала к Маленкову через его аппарат, минуя Отдел пропаганды, что говорит о «соревновании» аппаратных работников, стремлении показать непосредственному руководству эффективность своей работы. Хотя нельзя исключить, что инициатором ознакомления Маленкова с публикацией мог быть и Суслов, заинтересованный в укреплении своих позиций.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 485. Л. 134.

⁷ Сонин. «История» с историей фотографии...

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 504. Л. 140.

⁹ Там же. Л. 137–139.

Что же произошло? Что такое было опубликовано, что потребовало вмешательства высших лиц государства?

История публикации «Документов по истории изобретения фотографии» восходит к началу 1930-х гг. В Архиве АН хранились документы и личная переписка изобретателей фотографии французов Ж. Н. Ньепса и Ж. Дагера. Уже тогда возникло желание сделать эти документы доступными для исследования и для широкой читательской аудитории. Следует отметить, что в 20–30-е гг. и в деятельности Комиссии АН по истории знаний, которую возглавлял В. И. Вернадский, и в работах пришедшего ей на смену Института истории науки и техники (директор Н. И. Бухарин) исследования по истории мировой науки и техники занимали большое место. Инициаторами данной работы были директор архива Г. А. Князев, член-корреспондент АН Т. П. Кравец и переводчик переписки Н. М. Раскин. После нескольких лет работы по переводу и анализу документов в октябре 1938 г. Архив АН обратился с просьбой в Редакционно-издательский совет (РИСО) АН СССР о включении этой работы в издательский план. В мае 1939 г. президент АН СССР академик В. Л. Комаров принял решение об издании документов в количестве 1200 экземпляров, а в феврале 1941 г. подготовленная к печати рукопись была представлена в РИСО на утверждение.

В постановлении РИСО от 20 марта 1941 г. указывалось: «Считать целесообразным издание документов на французском языке тиражом 5000 экз.; на русском языке считать возможным издание избранной переписки в сборнике “Научное наследство”»¹⁰. Начавшаяся вскоре война сделала публикацию невозможной, и только в конце 1946 г. Архив АН снова поставил этот вопрос перед РИСО. 30 декабря решение подписали С. И. Вавилов, бывший в то время президентом АН, и ученый секретарь РИСО В. К. Рубцов – рукопись была рекомендована к печати и включена в издательский план на 1947 г. К сожалению, эта работа не увидела свет ни в 1947 г., ни в 1948 г., когда ее публикация еще могла пройти без пристального внимания идеологов борьбы с «космополитизмом».

Среди документов, направленных Академией наук в ЦК ВКП(б) в связи с этим «делом», имеется краткая аннотация работы, в которой говорится: «Книга (Труды Архива Академии наук СССР под общей редакцией Г. А. Князева и Л. Б. Моздалевского, Вып. 7. К истории изобретения фотографии / Письма Ньепса, Дагера и др. / под редакцией и с примечаниями чл.-корр. АН СССР Т. П. Кравца) посвящена истории изобретения фотографии и содержит французский и английский тексты и русский перевод изобретателей фотографии Дагера и Ньепса, а также других лиц. Опубликование этой переписки проливает свет на неизвестные до сих пор стороны творческой деятельности и взаимоотношений изобретателей фотографии. Особая важность публикуемых писем состоит в том, что они вскрывают творческую лабораторию изобретателей, пути, по которым шла их мысль, и методы претворения их замыслов в жизнь». Далее указывалось, что историко-научная литература почти не знает случаев сохранения документов, относящихся к моменту осуществления открытия. В краткой аннотации ее автор, ответственный редактор книги и директор Архива АН Князев, еще раз подчеркивает, что переписка, охватыва-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 504. Л. 146.

ющая огромный период с 1787 по 1841 гг., из 163 документов содержит 142 совершенно новых письма. Это позволяет пересмотреть некоторые сложившиеся неправильные представления. Появление работы очень своевременно, так как ее выход в свет давно ожидался, «как представителями исторической, так и физико-математической науки»¹¹.

Что же противопоставляет «Культура и жизнь» мнению исследователей и архивистов-профессионалов? В уничижительном тоне газета сравнивает публикацию документов об изобретении фотографии с «историей кочерги и ухвата»: «Мы ждем от издательства, – пишет автор статьи, – книг, посвященных нашим великим соотечественникам, двигавшим и двигающим вперед дело научного и технического прогресса». А в данной публикации авторы рассматриваемой работы, видите ли, «сочли весьма актуальными для советского читателя материалы, ... выясняющие роль французского народа в изобретении фотографии». Они находят, что эти материалы с интересом будут встречены «представителями зарубежных стран». Какая крамола, когда надо разоблачать космополитов! Так, провозглашенный сталинским руководством курс на изоляцию отечественной науки от мировой «буржуазной» науки, стал определяющим при оценке значимости исторических исследований и подлинных исторических документов.

Далее автор статьи пишет, что

Н. Ньепс и Ж. Дагер, имена которых вошли в историю фотографии [этого он не может отрицать. – Ю. К.], в действительности не были столь выдающимися мыслителями, чтобы издавать каждую строчку их семейной переписки. Словом, они не были Гулливерами в науке. Это были скорее лилипуты – по своим идеям, по своим целям и устремлениям.

И далее:

Они были типичными буржуа, стремившимися к обогащению, – и только (I – Ю. К.)

Методику подготовки к публикации архивных материалов газета представляет очень высокомерно и одновременно безграмотно:

Кандидаты наук и члены-корреспонденты извлекают из архива бумажки, покрытые пылью и тронутые молью, и присваивают им высокое звание – документ. И начинается «труд» по превращению мухи в слона, лилипута в Гулливера. Так обыкновенная семейная переписка преподносится как важный и ценный научный документ. Эта переписка воспроизводится полностью, письма печатаются одновременно на двух языках – французском и русском. ...Так появляется на свет новая «научная» книга. Но научное обличье прикрывает пустоту, безделицу... Глубокая философия разводится на мелком месте.

И в заключение своей «лаконичной рецензии» автор заявляет:

Мы взяли на себя труд прочесть эту книжищу. Мы предостерегаем нашего читателя: воздержитесь от повторения нашей попытки, берегите дорогое время!

¹¹ Там же. Л. 150–151.

Даже по этим кратким выдержкам можно составить представление об уровне этой публикации, компетентности и степени ангажированности автора. А призыв к читателям беречь дорогое время и не тратить его на чтение этой книги был напрасен, так как тираж был уничтожен, и только случайно сохранилось несколько экземпляров из обязательной рассылки в некоторых библиотеках.

Президент Академии С. И. Вавилов был в это время в отпуске и отдыхал на своей даче в Мозжинке близ Звенигорода. В дневнике Сергея Ивановича уже 2 августа появляется запись: «в “Культуре и жизни” Дагер и Ньепс объявлены лилипутами». Вряд ли Вавилов выписывал и читал эту газету. Значит, сообщение могло прийти только из Президиума Академии, вероятно, от главного ученого секретаря А. В. Топчиева, недавно назначенного на этот пост.

Еще через день, 4 августа, Сергей Иванович вынужден прервать отпуск и поехать в Москву. В дневнике находим запись:

Был в Москве. Целый букет гадостей. Письмо из Тулы какого-то Пальцева о моем «преклонении» перед Западом... Дагер – лилипут и т. д. Сижусь сейчас один наверху, и такое все чужое и где найти покой. Не хочется ни писать, ни думать.

В тот же день было подготовлено уже упоминавшееся распоряжение Президиума Академии наук СССР № 1070 (см.: приложение 1). В нем отмечалось, что в газете «Культура и жизнь» была опубликована статья тов. Рябова «Лилипут, принятый за Гулливера». «В этой статье была подвергнута резкой критике книга “Документы по истории изобретения фотографии”, изданная Ленинградским отделением Издательства Академии наук СССР. Издание этой книги является грубейшей политической ошибкой. Выпуск ее в свет свидетельствует о неудовлетворительной постановке редакционно-издательской деятельности Академии наук». Далее в распоряжении констатируется, что большинство документов не имеет никакой научной ценности и не заслуживает публикации: «Совершенно возмутительным является факт опубликования писем, в которых демонстрируется монархизм французских мещан. Издание документов на французском языке нельзя расценивать иначе, как рецидив низкопоклонства перед иностранщиной» (! – Ю. К.).

В распоряжении отмечается, что в Академии, к сожалению, имеются еще научные работники, занимающиеся «не тем, чем нужно и полезно советскому народу», под видом «академической науки» преподносят архивный «материал, не представляющий ценность для науки». Последняя часть фразы вписана от руки, что говорит о большой спешке, не позволившей начисто перепечатать документ, направленный в ЦК, а, возможно, дописана Топчиевым уже в аппарате ЦК. Продолжая каяться, авторы этого текста, говоря, что Академия в последние годы уделяла много внимания делу улучшения подготовки научных изданий, вынуждены признавать, что не добились необходимых результатов. И очень важная в тех условиях фраза, о которой мы еще упомянем: «Особенно плохо обстоит дело с изданиями научных работ в Ленинграде». Найден и основной порок при подготовке к изданию научных работ – «поверхностное рецензирование, формальный и безответственный подход некоторых ученых советов и институтов к одобрению публикаций к печати». Главными виновниками признаны директор Архива Г. А. Князев и заместитель председателя Комиссии по истории физико-математических наук Т. П. Кравец. «Эта ошибка усугубляется еще и тем, что кандидат исторических наук Г. А. Князев и член-

корреспондент Т. П. Кравец были редакторами этой книги, причем... Т. П. Кравец к тому же и автор вводной статьи...». Инкриминируется им также нарушение «постановления Редакционно-издательского совета АН СССР от 23 июля 1947 г., запрещавшего печатать научные работы на иностранных языках».

Естественно, в распоряжении сделаны оргвыводы: строгие выговоры получают Князев и Кравец, и. о. директора Ленинградского отделения издательства Д. В. Грибакин снят с работы, главный редактор издательства Е. С. Лихтенштейн от работы отстранен, ученому секретарю Архива П. Н. Корявову объявлен выговор. Кроме того, предусматривалось взыскать с виновных «непроизводительно затраченные средства», директорам институтов предлагалось «решительно улучшить работу ученых советов в части коллективного обсуждения представляемых к печати работ», главным редакторам журналов «коренным образом улучшить работу редакционных коллегий».

Помимо так называемых «ритуальных» в распоряжении были решения, повлекшие самые серьезные и далеко идущие последствия – поручения РИСО, Издательству АН – пересмотреть работы, находящиеся в производстве и редакционной подготовке, а также создать при РИСО рабочий аппарат и «в первую очередь, штатную группу редакторов-рецензентов для осуществления систематического контрольного рецензирования представляемых институтами к печати работ». Таким образом вводилась своя академическая внутренняя система цензуры.

Распоряжение обязывало директора Издательства АН СССР А. И. Назарова «навести порядок в Ленинградском отделении Издательства», а руководители институтов и научных учреждений должны были обсудить статью в газете «Культура и жизнь», а также это распоряжение Президиума и «весь материал и принятые решения ученых советов представить в Президиум». Распоряжение подписали вице-президент академик И. П. Бардин и главный ученый секретарь академик А. В. Топчиев, в дальнейшем принимавший активное участие в подготовке других документов по этому делу ¹².

Подобные распоряжения (а поводов для похожих нападков на Академию было достаточно, в архивах ЦК сохранилось много аналогичных документов) преследовали несколько целей. Во-первых, Президиум Академии должен был демонстрировать свою реакцию и жесткость в искоренении «недостатков». Во-вторых, целью могло быть желание таким образом минимизировать разрастание конфликта и последствия для конкретных людей, часто совершенно невиновных в инкриминировавшихся «провинностях». Этой цели удалось достичь лишь частично. Дело в том, что уже 5 августа Отдел пропаганды и агитации представил в Секретариат ЦК проект постановления по книге. В какой степени Топчиев, готовивший распоряжение Президиума Академии, был осведомлен о варианте Отдела пропаганды, судить сложно. Сравнивая тексты, можно предположить, что на этой стадии он не участвовал в этой работе. В проекте постановления ЦК Академии наук предписывалось не допускать распространения книги, содержащей «большое количество бесполезных для науки и вредных для читателя материалов», отстранить от работы директора

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 504. Л. 137–139.

Архива Князева и составителя-переводчика Раскина, объявить строгий выговор ученому секретарю Архива Корякову и выговор и. о. директора Ленинградского отделения издательства Грибакину. Но проект не был принят, а для учета замечаний была создана комиссия под руководством Суслова в составе Слепова и Топчиева.

Не может не вызывать удивления такая оперативность в работе аппарата Отдела пропаганды и агитации ЦК и Президиума Академии наук.

На экземпляре распоряжения, направленного Президиумом Академии в ЦК, уже через день появилась резолюция Суслова: «т.т. Слепову, Морозову». Правда, дата 7/VIII была переправлена им на 6/VIII. Может быть, это исправлена описка, а может, и специальное действие в связи с внутренними делами аппарата, демонстрировавшего большую оперативность.

Несмотря на отпуск, С. И. Вавилов был вовлечен в решение возникших проблем. В своем дневнике 6 августа он записывает:

История с «Историей фотографии»¹³ разрастается. Приезжал напуганный Лихтенштейн...

С. И. Вавилов – огонь на себя

В связи с приездом Лихтенштейна и новой информацией о ходе «расследования» Сергей Иванович в тот же день на своем именном бланке пишет записку А. В. Топчиеву следующего содержания:

Глубокоуважаемый Александр Васильевич.

У меня был сегодня Е. С. Лихтенштейн и передал мне сведения о рассмотрении вопроса о книге по истории фотографии в ЦК. Прошу Вас при рассмотрении дела в Комиссии довести до сведения Комиссии следующее:

1) Г. А. Князев имел только формальное отношение к книге. Инициатива издания (около 1930–1931 г.) принадлежала Т. П. Кравцу и [Н. М.] Раскину. Г. А. Князев, как я Вам много раз говорил, превосходный работник, вероятно, один из лучших архивистов СССР. Отличительное его качество совершенно исключительная добросовестность и четкость, осторожность и политическая настороженность. Вины за книгу он нести не может.

2) Е. С. Лихтенштейн также не может считаться виновным. Он, как Вы знаете, очень опытный и очень осторожный редактор. Книга задерживалась Главлитом, но потом была выпущена.

По существу более других виноват я сам. Я знал об этой книге и считал издание ее, вообще говоря, нужным. Мне не ясен был только вопрос о том, подходит ли книга в *настоящий момент* [курсив мой. – Ю. К.] в связи с международным положением.

3) Прошу Вас сообщить мое мнение, что Дагер и Ньепс совсем не лилипуты, а крупнейшие изобретатели, действительно определившие начало фотографии. В этом смысле фельетон Рябова явно ошибочен. Я согласен, что многое не следовало бы печатать, но совсем замолчать об архиве, хранящемся в Академии и имеющем очень большое значение для истории науки, было нельзя.

¹³ Так в тексте.

Надеюсь, что Вы поможете отстоять Князева и Лихтенштейна.

С искренним приветом.

С. Вавилов¹⁴.

Если еще раз представить себе обстановку в стране в это время, письмо С. И. Вавилова, несомненно, акт политического и научного мужества. Во-первых, он берет ответственность за издание книги на себя. И, во-вторых, он дезавуирует оценку опубликованных документов и своим научным авторитетом подтверждает ошибочность статьи в газете «Культура и жизнь». И это после того, как ЦК выразил свое резко отрицательное мнение по поводу книги и поддержал газету. В-третьих, его серьезно волновала судьба людей, особенно тех, кого он считал высокими профессионалами и глубоко порядочными. Вот, например, одна запись в его дневнике после посещения Архива АН задолго до возникшего конфликта:

Архив, в котором кипят страсти: идеальный директор архива Г. А. Князев, полный архивного, исторического пафоса, хорошая и трогательная фигура. (31 декабря 1947 г.)

При той высочайшей требовательности, которую проявлял С. И. Вавилов к себе и окружающим, заслужить такую оценку было не просто.

А. В. Топчиев довел мнение С. И. Вавилова до комиссии ЦК (записка С. И. сохранилась, к счастью, в документах архива именно потому, что была туда передана), но особого действия оно не возымело. Партаппарат продолжал действовать по принятой в верхах установке, хотя достаточно образованные работники Отдела пропаганды и агитации не могли не понимать всей вздорности предъявленных к книге претензий и обвинений. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы по политическим соображениям надо было найти достойные примеры советско-французских связей, эта же книга стала бы «ярким образцом выдающегося вклада в историю науки». Но тогда такого заказа не было.

Более того, 6 августа, когда Вавилов писал Топчиеву записку, Топчиев направил Маленкову срочно подготовленные предложения с пересмотром плана выпуска изданий Академии наук на 1949 г., а также портфеля работ на 1950 г.¹⁵ (см.: приложение 2).

В связи с таким сокращением плана выпуска в 1949 г. Президиум АН, испугавшись грозной резолюции «Отобрать бумагу», сам посчитал возможным сократить фонд по типографской бумаге на 50 тонн.

К письму прилагались три списка работ: снятых из плана выпуска изданий на 1949 г.; перенесенных из плана выпуска 1949 г. на 1950 г.; а также работ, исключенных из портфелей изданий, подготавливаемых к выпуску в 1950 г.

Причину снятия некоторых работ объяснить трудно – сделать повторный их анализ за несколько дней было невозможно – это, например, В. А. Обручев «Земля Санникова» и «Плутония»; Н. Г. Любомиров «А. Н. Радищев. Этюды и заметки», а другие просто не подходили по своим названиям – не вписывались в кампанию борьбы с космополитизмом – это Плиний «Письма»,

¹⁴ Там же. Л. 146–148.

¹⁵ Там же. Л. 140–143.

С. Я. Лурье «Демокрит», В. Н. Лазарев «Происхождение итальянского возрождения», А. Д. Некрасов «Чарльз Дарвин», Р. О. Халфина «Договор в гражданском праве Англии и США» и др.

Кроме письма Топчиева с приложениями, в ЦК была направлена справка об издании книги «Документы по истории изобретения фотографии»¹⁶. В ней излагался весь путь прохождения рукописи начиная с 1938 г., когда Архив АН впервые возбудил ходатайство о ее публикации, а также приводились статьи и суммы затрат на издание и гонорары, полученные сотрудниками, участвовавшими в подготовке публикации.

Казалось бы, Президиум Академии принял все необходимые меры в связи с публикацией «порочной» книги, самокритично покался, наметил пути исправления положения, наказал причастных к изданию. Но Суслову этого показалось мало. Он решил использовать ситуацию для еще большего нагнетания недовольства деятельностью руководства Академии, хотя имя С. И. Вавилова в документах практически не фигурировало. Комиссия ЦК и главный ученый секретарь Президиума АН Топчиев готовили новый вариант постановления Секретариата ЦК ВКП(б).

И снова С. И. Вавилов прерывает отпуск и отправляется в Москву. Запись в дневнике от 12 августа:

В Москве. Опять целый спектр неприятностей... Злосчастная «История фотографии». Чувство полной неуверенности за завтрашний день.

А в ежедневнике, куда С. И. Вавилов записывал фамилии лиц, с которыми он встречался, а иногда и темы, которые обсуждались, находим:

12 августа. Бардин и Топчиев (об ис[тории] фотографии).

Что обсуждалось на этой встрече руководителей Академии, в документах не сохранилось. Можно предположить, что Вавилов искал пути выхода из сложившейся ситуации. Все участники прекрасно знали всю подноготную подготовки подобных решений, понимали необходимость компромиссов, но побудительные мотивы действий были различны.

А уже 17 августа Суслов обращается к Сталину с пространном письмом, составленным по материалам записки Морозова и Слепова, в котором, в частности, говорилось: «Представляется на Ваше утверждение проект постановления ЦК ВКП(б) "О выпуске издательством Академии наук СССР книги "Документы по истории изобретения фотографии"', рассмотренный Секретариатом ЦК ВКП(б)». Книга характеризуется Сусловым как «бесполезная и идейно-порочная». В письме указывается, что «составители сборника поставили своей целью опубликовать материалы, выясняющие роль французского народа в изобретении фотографии... Сборник составлен без научного подхода к подбору материала», а опубликованные письма не имеют никакого отношения к истории фотографии. И далее приводятся примеры, указываются страницы, где упоминаются эпизоды «псовой охоты», «изготовления виноградных вин», «безуспешной попытки изобретения вечного двигателя». Директор архива Князев «ошибочно рассматривает эту личную переписку как

¹⁶ Там же. Л. 146–148.

«ценнейшее собрание... документов», а член-корреспондент АН Кравец написал аполитичное введение, симпатизирует отсталым настроениям Н. Ньепса, который «в годы французской революции укрылся от революционных событий». Криминалом является и упоминание о сыне Ньепса, который представлен «как блестящий образец человека, умеющего с огромным искусством избегать какого бы то ни было полезного дела». И уж совсем неприемлемо, что в стороне остались «реакционные взгляды Ньепса», который скорбел по случаю смерти Людовика XVIII и надеялся на его преемника Карла X, что тот «возродит утешение во всех сердцах, и мы можем сказать... король умер, да здравствует король». Последние слова Суслов подчеркнул.

Следует отметить, что в этом письме Суслов тоже не упоминает С. И. Вавилова, подписавшего решение опубликовать эту работу, более того – написавшего записку с совершенно иной оценкой изданных материалов, о которой Суслов не мог не знать. В письме Сталину этот частный случай Суслов представляет как практику работы Академии: «Выпуск идейно-порочной и бесполезной книги стал возможным потому, что в Академии наук СССР существует практика, когда книги всех работников Академии утверждаются к изданию без предварительного обсуждения в институтах и без научного рецензирования». Заключает свое письмо Суслов словами, что «предусматривается наказание виновных» и устанавливается более строгий порядок издания трудов Академии¹⁷ (см.: приложение 3).

Вряд ли такая пространная записка, в общем-то, по второстепенному вопросу с точки зрения государственных дел предназначалась для прочтения Сталиным. Но она отложились в делах Секретариата ЦК и демонстрировала бдительность аппарата и самого Суслова, их нацеленность на жесткое подавление всяческих возможных отступлений от линии по борьбе с космополитизмом, одновременно показывая стремление во всем советоваться с вождем, держать его в курсе дел в области идеологической борьбы.

В принятом 22 августа постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) «О выпуске издательством Академии наук СССР книги “Документы по истории изобретения фотографии”», с упоминанием отклика в газете «Культура и жизнь» Президиуму Академии наук предлагалось «не допускать к распространению идейно-порочную и бесполезную книгу... выпущенную Ленинградским отделением издательства АН», отстранить от работ и. о. директора Ленинградского отделения Грибакина Д. В., составителя-переводчика Раскина Н. М., привлечь к ответственности директора Архива Князева Г. А., снять с работы ученого секретаря Архива Корякова П. Н. и объявить ему строгий выговор.

Министерству госконтроля поручалось проверить правильность расходования средств, а на лиц, расходовавших и получавших деньги на издание «ненужной книги» наложить начет.

Целый ряд поручений касался пересмотра плана издания литературы на 1949 г., укрепления состава РИСО «работоспособными научными сотрудниками» и, главное, изменения порядка разрешения на издание научных работ. РИСО должен был рассматривать целесообразность издания на основании результатов обсуждения рукописей на ученом совете соответствующего инсти-

¹⁷ Там же. Л. 134–136.

тута и наличия «не менее двух рецензий авторитетных специалистов в данной области науки и техники» (см.: приложение 4).

Чем же постановление ЦК принципиально отличалось по содержанию от ранее принятого распоряжения Президиума АН?

Во-первых, в постановлении ЦК запрещалось распространение книги, чего не было в документе Академии. Что же касается персоналий, то тут оказался ряд разночтений, то ли потому, что в ЦК были согласны с мерами, принятыми Президиумом АН, то ли по каким-то другим соображениям. И. о. директора Ленинградского отделения издательства Д. В. Грибакин по редакции распоряжения АН был снят с работы, по редакции ЦК – отстранен от работы. Директору Архива Г. А. Князеву – за него активно хлопотал С. И. Вавилов – Академия объявила строгий выговор с предупреждением, в постановлении ЦК – привлекался «к ответственности», что можно было расценивать как согласие с мнением Президиума АН. Переводчик-составитель Н. М. Раскин вообще не упоминался в документе Академии, а решением ЦК он отстранен от работы. Зато получивший строгий выговор от Президиума АН член-корреспондент Т. П. Кравец в документе ЦК вообще не упоминался, как и главный редактор издательства Е. С. Лихтенштейн, который распоряжением был отстранен от работы, несмотря на мнение президента АН. Ученый секретарь Архива Корявов, получивший от Президиума выговор, постановлением ЦК был снят с работы и получил строгий выговор.

Поручение Президиуму АН и Отделу пропаганды и агитации ЦК в месячный срок пересмотреть план издания литературы во многом уже было выполнено, о чем было доложено в ЦК в письме Топчиева еще 6 августа. Принципиальным в постановлении ЦК было изменение порядка оформления разрешения к изданию научных работ, о чем упоминалось выше. Из первоначального варианта постановления ЦК исключили два пункта о сокращении фонда бумаги для издательства Академии на 50 тонн и о внесении постановления на утверждение Политбюро. В целом постановление ЦК производит впечатление какой-то спешки, небрежности и надуманности¹⁸.

* * *

Издание книги «Документы по истории изобретения фотографии» – один из множества эпизодов в социальной истории того времени, показывает, как созданная в стране политико-идеологическая система предопределяла поведение человека в тех или иных ситуациях. С. И. Вавилов, как Гулливер у Дефо, был связан тысячами пут, которыми власть ограничивала его действия и возможности. Среди историков науки подчас возникает вопрос, почему он, сам занимавшийся историей науки, писавший на эти темы, в ряде случаев возражал против сохранения или воссоздания Института истории науки. Так, например, было в 1939 г., когда решалась судьба разгромленного бухаринского института¹⁹, так было в 1945 г., когда в одной из дневниковых записей он критически высказывался об окружении президента АН В. Л. Комарова, возрождавшего институт. Несомненно, видение ситуации с идеологизацией общест-

¹⁸ Там же. Л. 132–133.

¹⁹ Кривоносов Ю. И. Институт истории науки и техники: тридцатые громовые, роковые... // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 66.

ва, (о чем свидетельствовал и пример с книгой по истории фотографии), понимание того, что работа в такой обстановке может привести к полной профанации исследований и, как следствие, к дискредитации истории науки и техники как научной дисциплины, заставляли С. И. Вавилова занимать такую позицию. Дневники свидетельствуют о непомерной моральной нагрузке, которую постоянно испытывал С. И. Вавилов в условиях непреодолимых обстоятельств, создававшихся действовавшей системой.

Неизбежные мучительные компромиссы, вынужденные решения, которые не могли бы быть приняты им в нормальной обстановке, необходимой для эффективной научной деятельности, лишали его жизненных сил. Слова из дневника, приведенные в эпиграфе, отражают его состояние в те годы.

В сложном положении оказался А. В. Топчиев. Назначенный в марте 1949 г. на должность главного ученого секретаря Президиума АН, а в июне (с разрешения ЦК в нарушение всех установленных процедур), избранный в академики, он должен был четко выполнять «волю партии» и занимать позицию в значительной мере не совпадавшую с мнением президента Академии. Система не оставляла ему большого выбора, более того, требовала проявления инициативы.

Исследования огромного пласта ранее недоступных архивных документов, большого числа новых публикаций, в том числе воспоминаний и дневников деятелей науки, показывают, что созданная в те годы в стране обстановка морального и физического террора, обусловившая нарушение всех морально-этических норм, помимо всего прочего, сделала возможным игнорирование объективного научного знания в угоду конъюнктурным идеологическим установкам.

Переиздание «репрессированной» книги о французских изобретателях фотографии было бы важным вкладом в историческую науку, на что надеялись составители и редакторы в те далекие и трагические годы, и хорошей памятью о них, «полных исторического пафоса», стремившихся донести до нас правду о людях, внесших свой весомый вклад в возникновение и развитие новой области человеческого знания. Знание, которое позволило сохранить в истории отражение жизни, облик миллионов людей, запечатлеть памятники культуры и природы, картины исторических событий и частную жизнь человека.

Ниже в приложении публикуются документы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории – Фонд 17. Опись 118. Дело 504.

Приложение 1

Президиум Академии наук Союза ССР
Распоряжение № 1070

г. Москва

4 августа 1949 г.

т.т. Слепову

Морозову

М. Суслов²⁰

31 июля 1949 года в газете «Культура и жизнь» была опубликована статья тов. Рябова «Лилипут, принятый за Гулливера». В этой статье была подвергну-

²⁰ Резолюция М. С. Суслова.

та резкой критике книга «Документы по истории изобретения фотографии», изданная Ленинградским отделением Издательства Академии наук СССР.

Издание этой книги является грубейшей политической ошибкой. Выпуск ее в свет свидетельствует о неудовлетворительной постановке редакционно-издательской деятельности Академии наук.

В изданной книге подавляющее большинство документов представляет собой материал, не имеющий никакой научной ценности и не заслуживающий публикации.

Совершенно возмутительным является факт опубликования писем, в которых демонстрируется монархизм французских мещан.

Издание документов на французском языке нельзя расценить иначе как рецидив низкопоклонства перед иностранщиной.

В Академии наук СССР, к сожалению, имеются еще научные работники, которые занимаются не тем, что нужно и полезно советскому народу, а под видом «академической науки» преподносят читателю архивный материал, не представляющий ценности для науки.

Академия наук СССР в последние годы уделяла много внимания делу улучшения подготовки научных изданий в институтах и научных учреждениях. Однако выпуск в свет архивом Академии наук «Документов по истории изобретения фотографии» показывает, что Академия наук еще не добилась необходимых результатов. Особенно плохо обстоит дело с изданиями научных работ в Ленинграде.

Основным пороком подготовки к изданию научных работ институтов и учреждений АН СССР является поверхностное рецензирование, формальный и безответственный подход некоторых ученых советов институтов и других научных учреждений Академии к одобрению научных работ к печати.

Директор Архива АН СССР Г. А. Князев и заместитель председателя Комиссии по истории физико-математических наук член-корреспондент АН СССР Т. П. Кравец допустили грубую ошибку, представив работу к опубликованию. Эта ошибка усугубляется еще и тем, что кандидат исторических наук Г. А. Князев и член-корреспондент АН СССР Т. П. Кравец были редакторами этой книги, причем член-корреспондент Т. П. Кравец к тому же и автор вводной статьи в этой книге. Г. А. Князев и Т. П. Кравец нарушили постановление Редакционно-издательского совета АН СССР от 23 июля 1947 г., запрещающее печатать научные работы на иностранных языках.

В связи с изложенным:

1. Директору Архива Академии наук СССР Г. А. Князеву объявить строгий выговор с предупреждением.
2. Члену-корреспонденту АН СССР Т. П. Кравцу объявить строгий выговор.
3. И. о. директора Ленинградского отделения Издательства АН СССР Д. В. Грибакина снять с работы.
4. Главного редактора Издательства Е. С. Лихтенштейна от работы отстранить.
5. Ученому секретарю Архива АН СССР П. Н. Корявову объявить выговор.
6. Непроизводительно затраченные средства взыскать с виновных.

В целях создания условий, при которых была бы исключена возможность издания порочных работ, Президиум Академии наук СССР предлагает:

1. РИСО и Издательству АН СССР пересмотреть работы, находящиеся в производстве и редакционной подготовке для издания в 1949–50 гг.

2. Создать при Редакционно-издательском совете АН СССР рабочий аппарат и, в первую очередь, штатную группу редакторов-рецензентов для осуществления систематического контрольного рецензирования представляемых институтами к печати работ.

3. Обязать директоров институтов решительно улучшить работу ученых советов в части коллективного обсуждения представляемых к печати работ.

4. Обязать главных редакторов журналов, издаваемых Академией наук, коренным образом улучшить работы редакционных коллегий журналов.

5. Директору Издательства АН СССР А. И. Назарову навести порядок в Ленинградском отделении Издательства.

6. Обязать директоров институтов и научных учреждений АН СССР обсудить статью тов. Рябова в «Культуре и Жизни» от 31 июля 1949 г. «Лилипут, принятый за Гулливера», а также настоящее распоряжение. Весь материал и принятые решения ученых советов представить в Президиум.

Вице-президент
Академии Наук СССР
академик

(И. П. Бардин)

Главный ученый секретарь
Президиума Академии Наук СССР
академик

(А. В. Топчиев)

Приложение 2

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

Москва, Б.Калужская, 14.
Коммутатор: В 2-00-00
Секретариат: В 1-79-83

6 августа 1949 г.
№ 1-34-67

Секретарю ЦК ВКП/б/
товарищу Г. М. Маленкову

По Вашему указанию Академия наук СССР пересмотрела план выпуска изданий Академии наук на 1949 г., а также портфели работ, подготовляемых к выпуску в 1950 г. Из плана выпуска исключено 6 книг – 90 авт. листов, перенесено на выпуск в 1950 г. 8 книг – 194 авт. листа. Из портфелей работ, подготовляемых к выпуску в 1950 г., исключено 17 книг – 252 авт. листа (списки прилагаются).

Кроме того, 40 работ, утвержденных к выпуску в 1949 г., будут подвергнуты дополнительному контрольному рецензированию и повторному рассмотрению Редакционно-издательским советом АН СССР.

В связи с сокращением плана выпуска на 1949 г. Президиум Академии наук СССР считает возможным сократить фонд Издательства Академии наук СССР на IV квартал текущего года по типографской бумаге на 50 тонн.

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик

(А. В. Топчиев)

Приложение 3

Товарищу Сталину И. В.

Представляется на Ваше утверждение проект постановления ЦК ВКП(б) «О выпуске издательством Академии наук СССР книги “Документы по истории изобретения фотографии”», рассмотренный Секретариатом ЦК ВКП(б).

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет с текстом на французском и русском языках бесполезную и идейно-порочную книгу «Документы по истории изобретения фотографии», объемом 32 печ. листа, тиражом 3 тыс. экз.

Документы взяты из Архива Академии наук СССР и представляют собой личную переписку между французами Ньепсом и Дагером, а также другими лицами.

Сборник писем составлен и переведен с французского на русский язык кандидатом исторических наук Раскиным. Вводная статья и научная редакция принадлежат члену-корреспонденту Академии наук СССР Кравцу.

Составители сборника поставили своей целью опубликовать материалы, «выясняющие роль французского народа в изобретении фотографии» (стр. 3). Эти материалы, по мнению составителей, с интересом будут встречены «представителями зарубежных стран» (стр. 4).

Сборник составлен без научного подхода к подбору материала. Письма в подавляющем большинстве своем не имеют никакого отношения к истории фотографии. Так, на стр. 87 помещено письмо, относящееся к вопросу «псовой охоты»; на стр. 102, 103, 105, 215, 217, 457 и других в письмах сообщается об изготовлении виноградных вин и взаимном обмене ими между авторами писем; на стр. 108, 109, 119, 126, 127, 129, 134 и т. д. помещена переписка о безуспешной попытке изобретения вечного двигателя.

Директор Архива Князев в статье «Значение и происхождение публикуемых документов» ошибочно рассматривает эту личную переписку как «ценнейшее собрание... документов» (стр. 10).

Член-корреспондент Академии наук СССР Кравец написал аполитичное введение к архивным материалам. Автор введения симпатизирует отсталым настроениям Н. Ньепса, который в годы французской революции укрылся от революционных событий. Кравец пишет, что Ньепс «...возбуждает в нас чувства глубокой симпатии и уважения» (стр. 45). Описывая сына Ньепса, автор введения отмечает, что «он предстает нам как блестящий образец человека, умеющего с огромным искусством избегать какого бы то ни было полезного дела» (стр. 55).

Составители сборника, увлекаясь разбором никому не нужных писем, оставляют в стороне реакционные взгляды Ньепса, который по случаю смерти Людовика XVIII писал: «Я всем сердцем переживаю грустное событие, погрузившее в траур и в скорбь всю Францию, кончину его величества Людовика XVIII, память которого будет всегда дорога... Но его августейший брат и славный преемник Карл X... возродит утешение во всех сердцах, и мы можем сказать... король умер, да здравствует король!» (стр. 154–155).

Согласно Уставу Академии наук СССР, все издания Академии выпускаются в свет только с разрешения Редакционно-издательского совета Академии наук. Редакционно-издательский совет принял решение об издании сборника писем в 1946 г., по предложению ученого секретаря Архива Корявова и члена-корреспондента Академии наук Кравца.

Издательство Академии наук (главный редактор т. Лихтенштейн), выпустив в свет сборник на французском и русском языках, нарушило постановление Политбюро от 16 июля 1947 г., запрещающее издание журналов Академии наук на иностранных языках.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук, возглавляемое исполняющим обязанности директора т. Грибакиным, выпуском этой книги причинило государству убыток в сумме 127000 руб., при этом израсходовано 4,3 тонны бумаги.

Порочный характер сборника «Документы по истории изобретения фотографии» был обнаружен в сигнальном экземпляре и распространение тиража книги задержано.

Выпуск идейно-порочной и бесполезной книги стал возможным потому, что в Академии наук СССР существует практика, когда книги всех работников Академии утверждаются к изданию без предварительного обсуждения в институтах и без научного рецензирования. В результате такой неправильной практики за последнее время были изданы с серьезными ошибками следующие работы: «Сборник по новой и новейшей истории», «Очерки по новейшей истории Турции» Миллера, «Империалистическая политика США в странах Карибского²¹ бассейна» Зубока, «Развитие взглядов Маркса и Энгельса на государство» Турецкого.

В проекте постановления предусматривается наказание виновных в выпуске книги «Документы по истории изобретения фотографии» и установление более строгого порядка издания трудов Академии наук, исключающего выпуск подобных книги.

М. Сулов

17 августа 1949 г.

Приложение 4

Совершенно секретно
на голосование

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б)

(протокол № _____ пункт _____ от _____ 194 ____ г.)

О выпуске издательством Академии наук СССР книги «Документы по истории изобретения фотографии».

В связи с фактами, изложенными в статье «Лилипут, принятый за Гулливера», опубликованной в газете «Культура и жизнь» 31 июля 1949 г., ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Предложить президиуму Академии наук СССР не допускать к распространению идейно-порочную и бесполезную книгу «Документы по истории изобретения фотографии», выпущенную Ленинградским отделением издательства Академии наук СССР.

2. Предложить президиуму Академии наук СССР:

а) отстранить от работы и. о. директора Ленинградского отделения изда-

²¹ Так в тексте.

тельства Академии наук СССР т. Грибакина Д. В. за безответственное отношение, выразившееся в выпуске идейно-порочного сборника «Документы по истории изобретения фотографии»;

б) отстранить от работы в архиве Академии наук составителя-переводчика сборника документов по фотографии Раскина Н. М. и привлечь к ответственности директора архива Академии наук Князева Г. А., виновных в подготовке и выпуске книги «Документы по истории изобретения фотографии».

3. За протаскивание идейно-порочной и бесполезной для науки книги «Документы по истории изобретения фотографии» снять с работы ученого секретаря архива Академии наук СССР т. Корявова П. Н. и объявить ему строгий выговор.

4. Поручить Министерству госконтроля (т. Мехлису) проверить правильность расходования средств при издании сборника «Документы по истории изобретения фотографии» и на лиц, расходовавших и получавших деньги за издание ненужной книги, наложить начет.

5. Поручить президиуму Академии наук и Отделу пропаганды и агитации ЦК в месячный срок пересмотреть план издания литературы на 1949 год и исключить из плана рукописи, не представляющие интереса для советской науки, а также не подготовленные к изданию в текущем году.

6. Предложить президиуму Академии наук СССР:

а) укрепить состав Редакционно-издательского совета Академии работоспособными научными сотрудниками;

б) изменить порядок разрешения к изданию научных работ, предусмотрев, что Редакционно-издательский совет Академии наук должен рассмотреть вопрос о целесообразности издания научного труда только после обсуждения рукописи на ученом совете соответствующего института Академии и представления в Редакционно-издательский совет не менее двух рецензий авторитетных специалистов в данной области науки и техники.

М. Морозов

Л. Слепов

А. Топчиев

Выписки тт.

Разослано

Результаты голосования:

за М. Суслев